

Информация для цитирования:

Моргоева Л. Б. Явление функциональной омонимии в осетинском языке / Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 77–96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96.

Morgoeva, L. B. (2023). Phenomenon of Functional Homonymy in Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 77-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96

Явление функциональной омонимии в осетинском языке

Моргоева Лариса Батразовна
orcid.org/0000-0003-3725-754X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела осетинского языкознания
Lalik_m@mail.ru

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия)

Phenomenon of Functional Homonymy in Ossetian Language

Larisa B. Morgoeva
orcid.org/0000-0003-3725-754X
PhD of Philology,
Senior Researcher,
Department of Ossetian Linguistics
Lalik_m@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies — the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается явление омонимии в осетинском языке как одна из сложных и разноаспектных проблем в осетинском языкознании и в общей лингвистической теории. Отсутствие в осетиноведении специальных работ обуславливает актуальность рассмотрения данного явления в русле функциональной омонимии. Подчеркивается, что факторами, осложняющими процесс изучения условий возникновения и функционирования омонимов в языке и речи, становятся обнаруживаемые в омонимах семантические пересечения с полисемией, грамматически разноплановая «непредсказуемость», функциональная подвижность и, как следствие, наличие различных классификаций и дефиниций. Сделан обзор наиболее известных классификаций омонимов, анализ лексикографических источников и художественных текстов. В результате определены основные критерии «распознавания» функциональных омонимов и выполнено их отграничение от лексико-грамматических омонимов в осетинском языке. Анализ показал ряд сложностей в идентификации функциональных омонимов. Автор приходит к выводу о том, что морфологическая неустойчивость и синтаксические функции слова в предложении могут изменить его семантику, а значит, перевести из одного вида омонимов в другой. При этом отмечается, что в то же время основной — этимологический — принцип разграничения омонимов может оказаться малоэффективным при рассмотрении большего числа служебных частей речи.

Ключевые слова:

осетинский язык; семантика; полисемия; омонимия; функциональные омонимы; частеречный статус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of homonymy in the Ossetian language is considered as one of the complex and multi-aspect problems in Ossetian linguistics and in general linguistic theory. The lack of special works in Ossetian studies makes it relevant to consider this phenomenon in the context of functional homonymy. It is emphasized that the factors complicating the process of studying the conditions of emergence and functioning of homonyms in language and speech are the semantic intersections with polysemy, grammatically diverse “unpredictability”, functional variability, and as a result, the presence of various classifications and definitions within homonyms. An overview of the most well-known classifications of homonyms, analysis of lexicographical sources and literary texts has been made. As a result, the main criteria for “recognizing” functional homonyms have been identified and their differentiation from lexical-grammatical homonyms in the Ossetian language has been carried out. The analysis has shown a number of difficulties in identifying functional homonyms. The author concludes that morphological instability and the syntactic functions of a word in a sentence can change its semantics, thus transferring it from one type of homonym to another. At the same time, it is noted that the main etymological principle of distinguishing homonyms may be ineffective when considering a larger number of parts of speech.

Key words:

Ossetian language; semantics; polysemy; homonymy; functional homonyms; part-of-speech status.

Явление функциональной омонимии в осетинском языке

© Моргоева Л. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Учение о функциональных омонимах появилось в связи с необходимостью вычленения и семантического разграничения омонимов и многозначных слов. По мнению большинства ученых, проблема омонимии достаточно полно исследована на материале английского языка [Малаховский, 1990; Смирницкий, 1998; Аракин, 2011; Арнольд, 2012 и др.], а в русском языкознании наиболее значимые, основополагающие работы в этой области принадлежат В. В. Виноградову [Виноградов, 2001], Л. Н. Уфимцевой [Уфимцева, 2002], В. И. Абаеву [Абаев, 1995] и другим ученым, предлагающим различные классификации и составляющим словари омонимов [Ахманова, 1969; Колесников, 1995; Ким, 2004; Гребнева, 2022].

В настоящее время омонимия изучается и на материале кавказских языков [Бакова, 2013; Исрафилов, 2015; Никатуева, 2019], чаще всего в сопоставлении с полисемией. Это изучение серьезно осложняется терминологическим разнообразием, при котором одно явление имеет несколько обозначений или одним и тем же термином обозначаются разные явления. Так, в свете последних исследований сомнительно выглядит терминологическое наименование *лексико-грамматические омонимы*, которое приобретает разную трактовку или терминологические варианты, тождественные определению функциональных омонимов. Не совсем совершенны и логически аргументированы и сами классификации, в которых, пожалуй, только понимание полных омонимов не вызывает вопросов и имеет достаточно четкую дефиницию. Так, Ю. П. Солодуб пишет: «Своеобразие омонимов лексико-грамматического типа заключается в определенной близости, явной сопоставимости их лексической семантики и вместе с тем в принадлежности их к совершенно разным частям речи. Последнее обстоятельство проявляется в том, что в составе предложения они выполняют совершенно разные синтаксические функции, почему их также называют функциональными омонимами» [Солодуб, 2003, с. 104]. Подобные терминологические неточности и противоречия, связанные с определением функциональных омонимов, встречаются в работах многих исследователей данной проблемы.

Между тем если в качестве основного отличительного признака функциональных омонимов от остальных омонимичных форм называется только отнесенность их к разным частям речи, то такой же особенностью обладают и грамматические омонимы. Кроме того, в отличие от грамматических омонимов, функциональным омонимам приписывается допустимая возможность этимологической близости, хотя написание их и звучание остаются одинаковыми [Авдина, 2013; Сидоренко, 2016; Крылова, 2020].

Достаточно серьезный научный резонанс получила концепция Ю. Н. Гребневой, изложенная в статье, а позднее представленная в предисловии к словарю [Гребнева, 2022]. Нетрадиционный подход автора к классификации омонимов многими учеными воспринимается весьма неоднозначно. Так, отмечается схожесть определений: «Функциональные омонимы и функциональные омоформы — это слова и формы слов (соответственно) разных частей речи, совпадающие, как и лексические и грамматические, по произношению и написанию, но, в отличие от грамматических омонимов и омоформ, являются этимологически родственными» [Авдина, 2013, с. 206]. Кроме того, Ю. Н. Гребнева предлагает от функциональных омоформ отделять лексические единицы, являющиеся грамматическими формами одного слова, в самостоятельную группу, связывая их происхождение с транспозиционными процессами, когда на основе этимологической близости слово из одной части речи переходит в другую [Гребнева, 2022, с. 6]. Вместе с тем границы между группами и подгруппами омонимов и омоформ в данной классификации достаточно подвижны: «Возможность использования термина “функциональные омонимы” для обозначения омонимов особого типа, отличного от грамматических омонимов, вызывает сомнения. Ведь грамматическая омонимия выявляется только в контекстах, пусть минимальных» [Ларина, 2015, с. 57]. Исходя из этого, можно заключить, что грамматическая омонимия, которая актуализируется только в условиях функционирования лексических единиц в тексте, вполне может характеризоваться как функциональная. Определенные сомнения вызывает и универсальность данной классификации с точки зрения возможности ее применения при изучении омонимов в других языках.

В традиционном понимании омоформы, омографы и омофоны признаются явлениями, близкими к омонимии, однако «строгая дифференциация языковых явлений требует отграничить собственно лексическую омонимию от омоформ, омофонов, омографов» [Розенталь, 1976, с. 240]. Сторонники этого подхода теоретически закрепляют ее состоятельность, ссылаясь на способность прилагательных изменяться по падежам. В русском языке прилагательные могут иметь одну и ту же форму в разных падежах. Именно эти случаи совпадения форм в разных падежах (скажем,

в родительном и дательном) называют функциональными омоформами. «Основанием для признания этих форм разными формами, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах <...> Омоформы по своей природе выходят за рамки лексики, так как принадлежат иному уровню языка и должны изучаться в разделе морфологии» [Пазова, 2010, с. 101]. Однако для осетинского языка указанные признаки не могут быть достаточным основанием для того, чтобы считать прилагательные омоформами.

В осетинском языке формальные различия между частями речи в достаточной степени размыты, поэтому окончательно определить их частеречный статус возможно только в контексте. Одно и то же слово может быть и существительным, и прилагательным, а иногда и наречием, послелогом или частицей, исходя из той синтаксической функции, которую слово выполняет в высказывании [Багаев, 1965, с. 116]. В морфологической системе осетинского языка прилагательные не изменяются по падежам, изменяется только согласуемое с ним слово (определяемое): *расуэгъд лæнну* ‘красивый мальчик’, *расуэгъд лæннуы* ‘красивого мальчика’, *расуэгъд лæннуысан* ‘красивому мальчику’ и др. Падежные окончания у прилагательных появляются в том случае, когда они выступают в роли существительных в сочетаниях по типу изафетных конструкций (*хъæуы расуэгъд* ‘красавица села’, *хъæуы расуэгъды* ‘красавицы села’, *хъæуы расуэгъдсан* ‘красавице села’ и др.). Как видим, парадигма одного и того же слова в каждом случае в известной степени закреплена и зависит от морфологического статуса, определяемого по контексту. В условиях, когда подобные изменения носят системный характер, сложно однозначно относить их к разряду функциональных омонимов, особенно если учесть способность некоторых слов выступать еще и в качестве наречий и послелогов. С одинаковым успехом их также можно было бы отнести к омоформам. Принимая во внимание различного рода противоречия и обнаруживаемые несоответствия парадигмы словоизменения с традиционным пониманием омонимов и омоформ, мы не можем целые классы слов относить к омонимам (полным или неполным), поскольку тогда большую часть слов в осетинском языке пришлось бы признать омонимами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Функциональными омонимами принято считать слова, совпадающие по звучанию, близкие по своему происхождению и относящиеся к разным частям речи. Такие слова отличаются по своим синтаксическим функциям, морфологическим значениям и другим категориальным признакам. Это явление называют также переходом одной части речи в другую.

Определение функциональных омонимов наиболее успешно при сравнении с лексическими омонимами, при котором ярче проявляется их специфика: синтаксические функции, категориальные значения, лексическое значение, морфологические категории, морфемный состав. И основное место в этом ряду занимает синтаксическая функция, поскольку является главным условием для возникновения функциональных омонимов [Бабайцева, 2003]. Еще В. В. Виноградов писал, что «нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было бы в синтаксисе и лексике» [Виноградов, 2001, с. 34].

Итак, для более четкого определения функциональных омонимов в осетинском языке сравним признаки лексических и функциональных омонимов, которые описываются в теории общего языкознания: 1) лексические омонимы имеют общие синтаксические функции, функциональные — разные; 2) лексические омонимы имеют общие семантические категории, функциональные — разные; 3) лексические омонимы имеют принципиально разное семантическое содержание, функциональные — чаще всего обнаруживают этимологическую близость; 4) лексические омонимы чаще всего имеют одинаковые морфологические категории, у функциональных омонимов они часто оказываются различными; 5) по своему морфемному составу лексические омонимы одинаковы, а функциональные омонимы могут различаться.

Выявление дифференциальных признаков функциональных омонимов, их изучение и классификация серьезно усложняются, поскольку определение их по принципу этимологического родства влечет за собой их лексикографическую фиксацию как многозначных слов. Единственно верным в этом случае будет рассматривать функциональные омонимы исключительно в рамках контекста, на *уровне контекстной семантики*. Так, говоря о семантике слова, Г. В. Колшанский связывал появление омонимов с присущей многим словам образностью и писал: «Контекст удерживает эту образность на уровне одного денотата и маркирует ту границу, где истонченные связи между прямым и близким значениями, доведенные до разрыва, образуют уже омонимы, что и закрепляется затем историческим развитием языка» [Колшанский, 1980, с. 107].

Если функциональные омонимы в основном определяются по их этимологическому родству и могут иметь одинаковые морфемы в некоторых словообразовательных формах [Бабайцева, 2000, с. 194; Гребнева 2022], то они должны обнаруживать и семантическую близость: «Процессы возникновения новых значений слова являются универсальными, и таковы же, по-видимому, и процессы отмирания в результате распада семантического единства <...>. Что касается такого типа пути появления омонимов, как совпадение по звучанию заимствованных или вновь образованных слов со

словами, имеющимися в языке, то и в этом случае возникновение омонимов является вполне закономерным» [Сидикова, 2012, с. 221].

В осетинском языке слова морфологически неустойчивы и легко изменяют свои грамматические категории в зависимости от синтаксической роли в предложении. Переходные изменения наблюдаются между существительными и прилагательными, а также прилагательными и наречиями и перекликаются с конверсивными процессами, при которых «переход слов в иной лексико-грамматический класс без участия материально-выраженных единиц определяется (или сопровождается) приобретением иной парадигмы» [Габараев, 1977, с. 80]. Сложнее всего проводить разграничение между знаменательными и служебными частями речи, обладающими одинаковой формой, когда к морфологическому принципу разграничения частей речи необходимо подключать логико-аналитический.

В свое время такого рода изменения А. А. Шахматов назвал латинскими терминами *субстантивация*, *адъективация*, *вербализация*, *прономинализация*, *адвербиализация*, *конъюнкционализация* и др. [Шахматов, 2006, с. 36]. Позже, как известно, В. В. Виноградов эти процессы назвал «грамматической омонимией» [Виноградов, 2001], и чем активнее исследовались процессы перехода частей речи из одной в другую, тем больше разрастался терминологический аппарат (*трансформация*, *транспозиция*, *конверсия* и др.). Перечисленные процессы свойственны и осетинскому языку, однако выбор правильного термина связан с достоверным определением самого исследуемого процесса. Иными словами, если субстантивацией называется переход частей речи в разряд существительных, а адвербиализация — переход в разряд наречий, то, к примеру, определить природу переходности осетинского слова *хорз* становится весьма затруднительным: *хорз чызг* ‘хорошая девочка’ (здесь и далее перевод наш. — Л. М.) (прилагательное), *хорз зарын* ‘хорошо петь (пою)’ (наречие), *хорз кой* ‘весть о благе’ (существительное). Подобные морфологические трансформации в осетинском языке сложно однозначно квалифицировать как функциональные омонимы, несмотря на прозрачность их этимологического родства. И в этом плане вопрос остается открытым.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Омонимия и полифункциональность частей речи

Попробуем рассмотреть типичные случаи функциональной омонимии с позиций традиционной классификации, принимая во внимание возможное этимологическое родство лексических единиц.

1. Слова с одинаковым написанием и звучанием, исходя из контекста, могут выступать в качестве существительных, прилагательных или

причастий: а) *зад* ‘солод’ — *зад* ‘выросший’, ‘родившийся’ — *зад* ‘урожайный’ [ОРС; ТСОЯ-2] (за исключением грамматического омонима *зад* ‘оставшийся’), имеют общую семантическую основу (*хæрæг баирвæзы зад хуыммæ* / осел добирается до урожайного поля — в значении прилагательного; *æппарын зады нæмыг куыройы фæлгуыры* / бросать в жернова зерна солода — в значении существительного);

б) *над* — ‘избиение’ / *над* — ‘в знач. дорога’ / *над* — ‘утрамбованный’, ‘избитый’ [ОРС; БРОС] (исключением является грамматический омоним *над* ‘искупанный’ от *найын* ‘купать’): *къухæй над хуыздæр уыздæ нсæнфсирæн* / для винограда лучше будет ручной отжим — в значении существительного; *Сæ размæ надмæ рацудæй* / Вышел к ним навстречу к дороге — существительное; *Бах над къæхвæндагмæ рахызт* / Конь перешел на протоптанную (букв. ‘утрамбованную’) тропинку — причастие.

Здесь можно говорить о переходе слов из одной части речи в другую, который четче прослеживается при рассмотрении случаев функционирования номинации в тексте, где по семантическим признакам и синтаксической роли в предложении можно определить морфологический статус слова.

2. Некоторые слова способны выполнять разную функциональную нагрузку, при этом между ними могут возникнуть омонимичные отношения — в зависимости от позиции в предложении и способности сочетаться со словами определенной частеречной принадлежности, то есть от валентности:

а) слово *раст* с основным значением ‘прямой’: *Минаварæн адæм æвзæрстой раст*, *куырыхон сæмæ дзырддзæугæ лæгты* [Джикаев, 2009, с. 57] / В качестве сватов выбирали *правильных*, мудрых и почитаемых мужей — прилагательное; *Алы адæмты мифты ис хицæн фæрæзтæ раст сæмæ зылын æвзарынæн* [Там же, с. 114] / В мифах разных народов есть отдельные способы отличия *правды* от лжи — существительное; *Йæ хъуыддæгтæ раст чи æвдыста, уымæн-иу дзаг кæхц йæ дзымæ йæхи систра йæхæдæг* [Там же, с. 130] / К устам того, кто *правдиво* рассказывал о своих делах, наполненная чаша поднималась сама — наречие; *...уый фæхъуыста Маир, хæцæг æфсады уæвгæйæ раст уацары цы бон бахауд, уыцы бон* [Кайтов, 2006, с. 27] / ...Это Маир услышал *прямо* в тот день, когда, будучи в действующей армии, попал в плен — частица; *Æгкæла раст у, мах дæр ма дыл нæхи куы атигъ кæнæм, уæд...* [Ситохов, 2007, с. 35] / Агкала *прав*, если еще мы отвернемся от тебя, то... — в функции именной части глагола;

б) слово *хæстæг* с основным значением ‘близкий’: *Æмæ Сосаби хæстæг балаууыд лæгмæ* [Хугаев, 2018, с. 145] / И Сосаби *близко* подошел к мужчине — наречие; *...кæмдæр иу чызг и — дард ран нæй, стæй бынтон хæстæг ран дæр нæй* [Там же, с. 342] / ... где-то есть девушка — не в дале-

ком, но и не совсем в *близком* месте — прилагательное; *На сыхаг хæдзары хæстæг* / *Родственник* соседей (букв. близкий соседского дома) — существительное.

3. От глаголов могут образовываться совпадающие по форме существительные и причастия. Различить их можно по синтаксической роли в словосочетании или предложении: *даст* ‘брить’, ‘бритье’ (от гл. *дасын* ‘брить’) [ОРС; ТСОЯ-1] — *лæгъз даст сæр* / гладко *выбритая* голова (причастие) и *Дæ даст мæ зæрдæмæ нæ цæуы* / твоё *бритье* мне не нравится (существительное); *къахт* ‘копание’, ‘вскопанный’ (от гл. *къахын* ‘копать’) [ОРС; ТСОЯ-2] — *къахт фæндаг* / *перекопанная* дорога (причастие) и *Ахæм къахт фæлта ухъæугæ дæр нæ кæны* / такое *копание* лучше не нужно (существительное); *дард* ‘ношение’, ‘поношенный’ (от гл. *дарын* ‘носить’) — *дард дзаума* / *поношенная* вещь (причастие) и *ахæм дард тагъддæр сафы дзаума* / такое *ношение* быстрее портит вещь (существительное) и др.

Фаст ‘распил’, ‘распиленный’ (от глагола *фадын* ‘пилить’) [ОРС; БРОС] — *фаст къодæхтæ* / *распиленные* бревна (причастие) — и *Сæ фаст цухуызон нæу* / *распил* их не одинаковый (существительное); *фаст* ‘причесывание’, ‘прическа’ (от глагола, *фасын* ‘причесывать’) — *фаст дзыккутæ* / *причесанные* волосы (причастие) и *дзыккуты фаст ыл фидауы* / *прическа* ей идет (существительное).

Слов, относящихся к этой группе, в осетинском языке достаточное количество, и Н. К. Багаев их называет отглагольными именами, образуемыми при помощи суффиксов *-д, -т, -ст, -ад*, которые «совпадают, за редким исключением, с основами прошедшего времени глагола, образуемыми при помощи этих же суффиксов. <...> Именные формы на *-æг, -д, -т, ст, -ад, -гæ, -инаг* часто соответствуют причастиям русского языка» [Багаев, 1965, с. 351], а Н. Я. Габараев связывает их с омонимией аффиксов, функционирующих «в сфере лишь определенной части речи» [Габараев, 1977, с. 18]. Между тем образования такого рода обнаруживают типичные признаки функциональных омонимов, а именно: принадлежность к разным частям речи, семантическую близость и этимологическое родство, а также формально-грамматическое сходство.

3.2. Трудности частеречной квалификации омонимов

Иногда при определении частеречного статуса слова требуется более широкий контекстуальный охват для полного раскрытия смыслового значения. В дополнение к этому эффективно изменение грамматических признаков слова или подбор синонима. Сложнее обстоит дело с неизменяемыми частями речи (последологи, частицы). Их приходится различать исключительно по смыслу.

Сходство существительных с послелогоми установлено Н. К. Багаевым в книге «Современный осетинский язык» [Багаев, 1965, с. 400]. Послелогои в осетинском языке не совсем утратили свое исторически сложившееся лексическое значение, однако некоторая часть послелогов их обнаруживает более явно, другая — в более ослабленном виде. Происхождение одних связано с именными частями речи (чаще существительными), других — с наречиями. Отчасти это связано с тем, что собственно послелогов в осетинском всего несколько, все остальные послелогои являются отыменными производными. Скажем, слова *раз*, *фарс*, *сар*, *бын* являются существительными, изменяются по всем падежам, имеют формы множественного числа и выполняют все синтаксические функции существительных, однако в определенной грамматической форме могут выполнять функции послелога или наречия.

Обратимся к примерам: а) *Адаймаг Хуыцауы раз уыд хуыматæг уавæгæй* [Джикаев, 2009, с. 9] / Человек *перед* Богом был простым существом — послелог; *Дæ раз дзæбаæх ныссыгъдаг кæн* / Хорошо почисти свой *перед* (переднюю часть) — существительное со значением места, пространства относительно чего-либо. *Уыдон йæ цуры лаугæ дæр не 'ркодтой, дарддæр цыдысты размæ...* [Кайтов, 2006, с. 25] / Они возле него даже не остановились, дальше шли *вперед*... — в значении наречия; *Иуахамы æсгæр атагъд кодта, йæ размæ нал касты, афтæмæй, æмæ факалдис* [Дзесов, 2018, с. 12] / В один момент слишком поспешил, не смотрел *перед собой* и споткнулся — существительное в значении ‘пространство перед собой’ и др.

Лексикализация эвфемизмов и образных сочетаний может привести к ослаблению семантической связи и стиранию признаков этимологического родства, в результате чего омонимичные варианты классифицируются по-разному:

а) *разы уæвын* ‘быть рядом (с кем-то)’ и *разы уæвын* ‘быть согласным’ (*Уæвгæ, æз афтæ нæ загъын, æмæ, разы чи у, уыдон ныртæккæ размæ рахизæнт, загъгæ* [Кайтов, 2006, с. 29] / Впрочем, я не говорю, чтоб *согласные* прямо сейчас вышли *вперед*);

б) *бынтæ* — ‘корни’ / *бынтæ* — ‘наследство’ — погибель / *бын* — ‘погибель’ / *бын* — послелог ‘под’ [ОРС; ТСОЯ-1; БРОС]. В этом ряду омонимов слово *бын* в значении ‘погибель’ вместе с любым другим словом этого же ряда образует пару грамматических омонимов. Остальные же между собой этимологически близки и являются функциональными омонимами: *Арс цымы бын базæронд* / Медведь состарился *под* кизилковым деревом (послелог); *Дидинагæн йæ бын бамбыд* / *корень* цветка сгнил (существительное); *Æрмæст дзы бынты фæндаг нæ уыд* [Ситохов, 2007, с. 140] / Только *понизу* дороги не было — наречие; *...йæ нымæт худы бынты кæсгæйæ загъта...* [Секинаев, 1986, с. 330] / ...сказал, глядя *из-под* полей войлочной

шляпы... — в функции послелого; *Лекъойы амардтой йе 'рвадэлтæ йæ магуыр бынты монцмæ* [Гадиев, 1991, с. 18] / Леко убили родственники, мечтая о его скромном наследстве — существительное; и др.;

в) *сæрты* 'голов' (род. п., мн.ч. от *сæр* 'голова') — *сæрты* 'поверху' (наречие) [ОРС]: *Сымахæн уæ сæрты сæрмæстдæр иу зиллакк йедтæмæ ницы ис.* [Айларов, 2017, с. 118] / У вас в головах, кроме одной извилины, ничего нет — существительное; *Зæрватыкк доны сæрты ныллæг тæхти* / Ласточка низко летела над водой — послелог; *Æнхæлдæн дын æмбонды сæрты ахызт.* [Айларов, 2017, с. 172] / Кажется, он у тебя перелез через ограду — послелог; и др.

г) *фарсмæ* 'к стороне' (существительное, направительный падеж — один из девяти падежей осетинского языка, имеющих определенную форму в зависимости от синтаксической функции, от *фарс* 'сторона') и *фарсмæ* 'рядом', 'возле', 'около' (наречие или послелог в зависимости от контекста) [ОРС; БРОС]: *Тимæ мæ фарсмæ цыдæр къæмдзæстыгхуызæй цыд* [Дзасохов, 2001, с. 15] / Тима возле меня какой-то виноватой была — послелог с семантическими признаками наречия; *...ацамыдта, сæ бакомкоммæ цы хæдзар уыд, уый уæллæг фарсмæ* [Там же, с. 25] / ...показал на верхнюю сторону дома, стоящего напротив — в значении существительного; *Фидар мæ фарсмæ бадт æмæ, уæзджытæ куыд цыдысты, афтæ мын сæ амыдта* [Там же, с. 45] / Фидар сидел возле меня и рассказывал о гостях по мере того, как они прибывали — послелог; *Уæ хæрд афоныл, уæ хуыссæн — сыгъдæг, уæ дохтыр — уæ фарсмæ* [Айларов, 2017, с. 170] / Ваша еда — вовремя, постель чистая, ваш доктор — рядом — в значении наречия. Примечательно, что наречия и послелоги мотивируются всеми значениями производящего имени, стремятся сохранить все семы в производной форме [Аксарина, 2022, с. 19].

3.3. Функциональная омонимия неизменяемых частей речи

Неизменяемые части речи (в том числе не имеющие собственного лексического значения) свои морфологические признаки и грамматические характеристики обнаруживают только в контексте. Часто причастные формы совпадают с союзами, частицами, междометиями и другими частями речи. По причине того, что не все слова в осетинском языке (по сравнению с русским) имеют свои формальные признаки, не сразу можно установить, к какой части речи относится то или иное слово. Именно поэтому затруднительно обозначить частеречный статус слова вне контекста, а также выявить пути перехода из одной части речи в другую на основе этимологического значения. Не всегда такие формы имеют и адекватные варианты переводов: а) *Нæ царды бæлас кæд цыфæнды ихдзагъд у, уæддæр йæ уидæгтæ сты арф æмæ цардхъом* [Джикаев, 2009, с. 60] / Даже если древо

нашей жизни побито градом, корни его глубоки и жизнеспособны — союз; *Аема-цу гораеты дэр зыдтой, нау каед арбацаудэен наулаууаема, ...* [Хугаев, 2018, с. 15] / В городе тоже знали, когда придет корабль на стоянку в порт... — местоименное наречие; б) *Уадае уал уын радзурон фосаен се 'ууалты тыххэй* [Дзесов, 2018, с. 7] / Тогда я вам пока расскажу об особенностях скота — частица; *...аема цал уыдыстаем, уал дихы фæкодтам хъауы хæдзæрттæ* [Там же, с. 27] / ...и сколько нас было, на столько частей и поделили дома в селе — обобщенно-количественное местоимение; в) *Худт цæй фæдыл уыд, уый нæ фехъуыста...* [Секинаев, 1986, с. 30] / Не услышал, по поводу чего был смех — вопросительное местоимение (в форме род. падежа от Цы); *Аема цæй зæрдæхудтытæ, цæ? Суанг йæ сывæллоньы бонтæй хуыссæгуарзæг рахаста.* [Там же, с. 69] / И какие обиды, какие? Аж с детских лет был любитель поспать — вопросит-определит. местоимение; *О, цæй!.. Аиуаемауныртæ-йедтæрув, аендæрдæчи доклад канынканы!* [Там же, с. 73] / Да ладно! Иди и окучивай чеснок и подобное, кто тебя просит что-то докладывать — междометие; *Ныхъхъус у, цæй, къуылыхчæмпа, стæймын, бæгуылагау, зонд амон!..* [Там же, с. 77] / Замолчи, ну, хромя кляча, а то меня как стоящий мужик уму учит — частица.

Частицы, некоторые формы существительных и наречий, местоимения, союзы, послелог и междометия в осетинском языке встречаются в одних и тех же формах, и в рамках нашей работы мы склонны их относить к функциональным омонимам, поскольку при предварительном рассмотрении они обнаруживают этимологическое родство. Мы не исключаем также в ряде случаев явления конверсии, при которой одна часть речи, в связи с утратой собственного лексического значения, переходит в другую или является ее производной формой. О полном переходе некоторых причастий в разряд наречий и послелогов и невозможности определить значение местоимений вне контекста писал и Н. К. Багаев, однако обстоятельного изучения эти вопросы не получили и до настоящего времени [Багаев, 1965, с. 228, 360].

3.4. Функциональные задачи омонимов в осетинском языке

При анализе существующих классификаций омонимов мы попытались выделить основные группы функциональных омонимов. Само понятие «функциональные омонимы» появилось гораздо позже и на основе понимания лексических и грамматических омонимов. Однако соответствующий термин до сих пор лингвистами понимается весьма неоднозначно: изменение частеречного статуса слова проявляется по-разному и получает разные терминологические названия. Нами были определены основные особенности, главные критерии распознавания. В. В. Бабайцева, анализируя функциональные омонимы, утверждала, что они являются разными словами, и исследовала различные подходы к их изучению [Бабайцева, 2000; Бабайцева, 2003].

Функциональные омонимы осетинского языка поддаются условному разделению на две большие группы. Одни из них образуют пары функциональных омонимов, где одно слово является исходной формой, а другое — трансформантом. Большинство функциональных омонимов в языке образуют пары и являются результатом перехода знаменательных частей речи. К другой группе относятся многочленные ряды функциональных омонимов, то есть омонимичные ряды, состоящие их нескольких лексических единиц. Между членами таких рядов этимологическую близость установить гораздо сложнее, чем между парой омонимов, поскольку эти ряды требуют более глубокого и тщательного изучения.

Для наиболее точного и достоверного определения того, какое из слов омонимичной пары и в какой период своего исторического развития преобразовалось в другую часть речи, необходимо поэтапно проследить весь путь его развития, опираясь на историю языка и языковых процессов. При отсутствии такой возможности необходимо учитывать все доступные условия, основными из которых являются определение того, которое из слов в омонимичной паре появилось первым, определение закрепленных (основных) и окказиональных значений, выявление частотности их использования. Омонимичные отношения, возникающие между служебными частями речи, в том числе их отнесенность к грамматическим или функциональным омонимам, легко поддаются определению, однако трудно установить производящую форму и семантическую мотивацию с производной: *ма* — наречие (*æз та ма дыл мæт кодтон / а я еще переживал за тебя*) / *ма* — отрицательная частица (*ма тагъд кæн / не спеши*) / *ма* — частица (*Фæлауу-ма!* / *Постой-ка!*). В этом плане использование принципов рассмотренных классификаций применительно к служебным частям речи не является продуктивным и не обеспечивает достоверных результатов.

В своих исследованиях В. В. Бабайцева приходит к достаточно любопытным выводам. По утверждениям автора классификации, «шкала переходности показывает, что в языке нет слов вне частей речи, а есть слова, которые сочетают признаки разных частей речи, т. е. слова, характеризующиеся синкретизмом сочетающихся свойств» [Бабайцева, 2003, с. 38]. Классификация ученого хорошо показала, что закрепленность слов за определенной частью речи достаточно хрупка. Особенно трудно такому разграничению поддаются лексические единицы осетинского языка, поскольку частеречный переход в нем сопровождается появлением большого количества спорных и противоречивых моментов. Между тем появление большого количества групп омонимов и само их существование связано с функциональными задачами языка, а омонимии, на наш взгляд, следует считать одним из ярчайших явлений осетинской речи. Однако не все

ученые согласились бы с подобным утверждением. Большинство из них появление в текстах омонимов считают речевой ошибкой, мотивируя тем, что такие словоформы создают трудности при восприятии информации. Так, приверженцы широкого понимания явления омонимии считают слова данной категории средством разрушения языковых процессов, которые нарушают семантическое ядро слова и ослабляют языковые свойства номинации [Малаховский, 1990, с. 24—27].

Исследователи, изучающие явления омонимии и полисемии при помощи сопоставления семантики слова, отмечают, что в различных текстах оно раскрывает различные семантические оттенки. Именно поэтому одну и ту же мысль можно выразить разными текстами или же несколько смыслов передать в одном и том же тексте, то есть «одному смыслу отвечает много несущих этот смысл текстов (синонимия), а одному тексту — много смыслов (омонимия)» [Мельчук, 1974, с. 31]. На данном этапе весьма затруднительно однозначно определить наиболее приемлемую для осетинского языка научную позицию, поскольку природа подобных явлений и их функциональные особенности в осетинском языке еще недостаточно изучены. Если смотреть с позиций истории на развитие осетинского языка, то можно смело утверждать, что язык сам избавляется от явлений, мешающих его развитию. Так произошло, скажем, с некоторыми категориями глагола в осетинском (перфект, плюсквамперфект) [Таказов, 1957]. Вместе с тем явление омонимии скорее получает распространение, нежели язык освобождается от омонимичных вариантов. Развивается и теория их изучения.

С другой стороны, различные виды омонимов в устной и письменной речи по-разному себя ведут — в зависимости от контекста, построения предложения, особенностей словосочетания, экстралингвистических признаков. Скажем, омофоны в письменной речи менее заметны и не создают помех для понимания смыслового содержания высказывания. В устной же речи правильному «распознаванию» семантики омонимичной формы слова служат близлежащие языковые единицы. От правильного порядка слов в предложении зависит не только правильное понимание смысла всего высказывания, но и уместность использованных слов [Кудзоева, 2023].

Случаи, когда омонимы мешают восприятию смысла, исключительны, и связаны они с анализом текстов посредством использования электронных систем. По этому поводу А. И. Головня высказывал свое мнение в специальной работе [Головня, 1990], и с его мнением трудно не согласиться: «Омонимия становится помехой коммуникации лишь при создании систем автоматического анализа текстов, реферирования, создания систем машинного перевода и других интеллектуальных систем. Но это уже совсем другой уровень коммуникации, он не закладывался как функция системы

языка с момента его появления как инфомационно-регулирующей системы» [Там же, с. 465]. Кроме того, омонимы могут создавать трудности при изучении другого языка, особенно в тех случаях, когда оба языка (родной и изучаемый) относятся к разным грамматическим системам. Но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

4. Заключение = Conclusions

Особенности устройства морфологической системы осетинского языка не позволяют отдать предпочтение какой-либо одной системе классификации функциональных омонимов. Однако, опираясь на их базовые характеристики и значимые признаки, нам удалось их отграничить от грамматических омонимов и обозначить ряд особенностей их функционирования в языке.

Исследуемый материал показал, что функциональные омонимы осетинского языка имеют двойственную природу происхождения: с одной стороны, на протяжении длительного времени семантика слов претерпевает некоторые изменения, меняется и комплекс их дифференциальных признаков; с другой стороны, четкие морфологические различия можно провести только между именами, глаголом и неизменяемыми словами, в остальных случаях принадлежность к той или иной части речи проявляется внутри контекста, который актуализирует определенные синтаксические функции. Именно эти факторы дают нам основания говорить о том, что в осетинском языке омонимия имеет функциональную природу.

Большинство функциональных омонимов в языке образуют пары, где одно слово является исходной формой, а другое — трансформантом, и являются результатом перехода знаменательных слов из одной части речи в другую. Многочленные ряды функциональных омонимов, состоящие их нескольких лексических единиц, могут сохранять этимологическую близость, но установить ее гораздо сложнее, поскольку эти ряды требуют глубокого и тщательного изучения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Айларов А. А. И я тебя люблю [на осетинском языке] / А. А. Айларов. — Владикавказ : Ир, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-7534-1547-9.

2. БРОС — Гацалова Л. Б. Большой русско-осетинский словарь : около 60 000 слов и выражений / Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева // Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 ф. — ISBN 978-5-905691-19-5.

3. *Гадиев С.* Произведения [на осетинском языке] / С. Гадиев. — Владикавказ : Ир, 1991. — 639 с. — ISBN 5-7534-0389-1.
4. *Джикаев Ш. Ф.* Древний быт и мировоззрение осетинского народа [на осетинском языке] / Ш. Ф. Джикаев. — Владикавказ : Издательство СОГУ, 2009. — 264 с. — ISBN 978-5-8336-0538-7.
5. *Дзасохов М. С.* Турий альчик [на осетинском языке] / М. С. Дзасохов. — Владикавказ : Ир, 2001. — 512 с. — ISBN 5-265-01053-X.
6. *Дзесов К. Г.* Рассказы пастушонка [на осетинском языке] / К. Г. Дзесов. — Владикавказ : Ир, 2018. — 96 с. — ISBN 5-7534-0018-3.
7. *Кайтов С.* Осетинская мелодия [на осетинском языке] / С. Кайтов. — Владикавказ : Ир, 2006. — 384 с. — ISBN 5-7534-0268-2.
8. ОРС — *Осетинско-русский словарь*. 5-е издание / под ред. Т. А. Гуриева. Сост. : Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. — Владикавказ : Алания, 2004. — 540 с.
9. *Секинаев В. Дз.* Второе имя [на осетинском языке] / В. Дз. Секинаев. — Орджоникидзе : Ир, 1986. — 425 с.
10. *Ситохов С. А.* Расцвет любви [на осетинском языке] / С. А. Ситохов. — Владикавказ : Аланыстон, 2007. — 288 с. — ISBN 5-87862-189-4.
11. ТСОЯ-1 — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 томах [на осетинском языке] / под общей редакцией Н. Я. Габараева. — Цхинвал-Владикавказ, 2000. — Т. 1. А-Æ. — 515 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.
12. ТСОЯ-2 — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 т. / Под общей редакцией Н. Я. Габараева ; Российская академия наук ; Владикавказский научный центр ; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева. — Москва : Наука, 2010. — Т. 2. Б-Къ. — 488 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.
13. *Хугаев С. З.* Колыбель Коста [на осетинском языке] / С. З. Хугаев. — Владикавказ : Ир, 2018. — 391 с.

Литература

1. *Абаев В. И.* Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание / В. И. Абаев ; Отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. — Владикавказ : Ир, 1995. — Т. 2. — 724 с.
2. *Авдина А. И.* Грамматическая омонимия как специфическое явление языка / А. И. Авдина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 9. — С. 204—211.
3. *Аксарина Н. А.* Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии / Н. А. Аксарина, Л. В. Басова // Научный диалог. — 2022. — № 11 (5). — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25.
4. *Аракин В. Д.* Омонимы в английском языке / В. Д. Аракин // Иностранные языки в школе. — 2011. — № 4. — С. 37—47.
5. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка : учеб. Пособие / И. В. Арнольд. — 2-е изд., перераб. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-9765-1041-8.
6. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 230 с.
7. *Бакова И. М.* О разграничении числительного «один» и его омонимов в кабардино-черкесском языке / И. М. Бакова // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2013. — Выпуск 3 (70). — С. 19—26.

8. *Бабайцева В. В.* Явление переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — С. 198—211. — ISBN 5-7107-2806-3.
9. *Бабайцева В. В.* Понятие о функциональных омонимах / В. В. Бабайцева // Русская словесность. — 2003. — № 3. — С. 34—39.
10. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык. (Фонетика и морфология) / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — Ч. 1. — 489 ф.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — Москва : Рус.яз., 2001. — 720 с.
12. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке / Н. Я. Габараева. — Тбилиси : Мецниереба, 1977. — 174 с.
13. *Головня А. И.* Проблема омонимии на входе и выходе ЭВМ / А. И. Головня // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики : Тезисы докладов Всесоюзной конференции. — Тарту : Тартуский университет, 1990. — 156 с.
14. *Гребнева Ю. Н.* Словарь омонимов, омоформ и омографов русского языка / Ю. Н. Гребнева. — Москва : Мир и Образование, 2022. — 656 с. — ISBN 978-5-8112-4193-4.
15. *Исрафилов Н. Р.* О смежных явлениях омонимии агульского языка / Н. Р. Исрафилов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствознание. — 2015. — № 2 (153). — С. 43—46.
16. *Ким О. М.* Словарь грамматических омонимов русского языка : около 11000 слов. около 5000 омонимич. Рядов / О. М. Ким, И. Е. Островкина. — Москва : Аст-рель : АСТ ; Ермак, 2004. — 844 с. — ISBN 5-17-024938-1.
17. *Колесников Н. П.* Словарь омонимов русского языка / Н. П. Колесников. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. — 670 с.
18. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. — Москва : Наука, 1980. — 154 ф.
19. *Крылова И. А.* Функциональные омонимы в толковом словаре общего типа (на материале «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г. Н. Складчиковой) / И. А. Крылова // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. — 2020. — Т. 2. — № 2. — С. 165—178. — DOI: 10.33910/2687-0215-2020-2-2-165-178.
20. *Кудзоева А. Ф.* Синтаксические трансформации при переводе на осетинский язык и проблемы пунктуации / А. Ф. Кудзоева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 95—2. — С. 85—87. — DOI: 10.18411/trnio-03-2023-80.
21. *Ларина Е. А.* Грамматическая омонимия в аспекте проблемы сходств и различий в языке / Е. А. Ларина, Т. Д. Х. Ле // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции, Иваново, 06—08 мая 2015 года / Ответственный редактор И. А. Сотова. — Иваново : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный университет», 2015. — С. 56—62.
22. *Малаховский Л. В.* Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1990. — 238 с.
23. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей смысл—текст / И. А. Мельчук. — Москва : Наука, 1974. — 316 с.
24. *Никатуева З. Ш.* Сопоставительный анализ лексических омонимов английского и даргинского языков / З. Ш. Никатуева // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 5 (78). — С. 480—482.

25. Пазова Л. М. К вопросу о полных и неполных омонимах / Л. М. Пазова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2010. — № 1. — С. 99—103.
26. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Просвещение, 1976. — 352 с.
27. Сидикова Г. Н. Основные пути возникновения омонимов / Г. Н. Сидикова // Вестник ТГУПБП. — 2012. — № 1. — С. 218—222.
28. Сидоренко И. Я. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка (из опыта создания) / И. Я. Сидоренко, Е. Н. Сидоренко // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия : Филология. История. — 2016. — № 1. — С. 21—25.
29. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : МГУ, 1998. — 260 с.
30. Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) : Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. — 2-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 264 с. — ISBN 5-89349-334-6.
31. Таказов Х. А. Исторический опатив в современном осетинском языке / Х. А. Таказов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — 1957. — Т. XIX. — С. 354—372.
32. Уфимцева А. А. Лексическое значение : Принцип семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; Под ред Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 240 с. — ISBN 978-5-397-01165-5.
33. Шахматов А. А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов ; Вступ. Статья В. В. Виноградова. — Москва : КомКнига, 2006. — 272 с.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023,
одобрена после рецензирования 04.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- Aylarov, A. A. (2017). *And I love you*. Vladikavkaz: Ir. 280 p. ISBN 978-5-7534-1547-9. (In Osset.).
- BROS — Gatsalova, L. B., Parsieva, L. K. (2011). Big Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions. In: *Establishment of the Russian Academy of Sciences North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V. I. Abayev VNC RAS and the Government of RSO-A*. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 f. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).
- Dzasokhov, M. S. (2001). *Turiy alchik*. Vladikavkaz: Ir. 512 p. ISBN 5-265-01053-X. (In Osset.).
- Dzesov, K. G. (2018). *Stories of a shepherd boy*. Vladikavkaz: Ir. 96 p. ISBN 5-7534-0018-3. (In Osset.).
- Dzhikaev, Sh. F. (2009). *Ancient life and worldview of the Ossetian people*. Vladikavkaz: SOGU Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-8336-0538-7. (In Osset.).
- Gadiev, S. (1991). *Works*. Vladikavkaz: Ir. 639 p. ISBN 5-7534-0389-1. (In Osset.).
- Kaitov, S. (2006). *Ossetian melody*. Vladikavkaz: Ir. 384 p. ISBN 5-7534-0268-2. (In Osset.).
- Khugaev, S. Z. (2018). *The Cradle of the Costa*. Vladikavkaz: Ir. 391 p. (In Osset.).
- ORS — *Ossetian-Russian dictionary. 5th edition*. (2004). Vladikavkaz: Alania. 540 p. (In Russ.).

- Sekinaev, V. Dz. (1986). *The second name*. Ordzhonikidze: Ir. 425 p. (In Osset.).
- Sitokhov, S. A. (2007). *The flowering of love*. Vladikavkaz: Alanyston. 288 p. ISBN 5-87862-189-4. (In Osset.).
- TSOYA-1 — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 1*. (2000). Tskhinval-Vladikavkaz. 515 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Osset.).
- TSOYA-2 — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 2*. (2010). Moscow: Nauka. 488 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Russ.).

References

- Abaev, V. I. (1995). *Selected works. General and comparative linguistics, 2*. Vladikavkaz: Ir. 724 p. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (1969). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sov. Encyclopedia. 230 p. (In Russ.).
- Aksarina, N. A., Basova, L. V. (2022). Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicography. *Nauchnyi dialog, 11 (5)*: 9—25. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25. (In Russ.).
- Arakin, V. D. (2011). Homonyms in English. *Foreign languages at school, 4*: 37—47. (In Russ.).
- Arnold, I. V. (2012). *Lexicology of the modern English language: textbook. Manual. 2nd ed., reprint*. Moscow: FLINT: Nauka. 376 p. ISBN 978-5-9765-1041-8. (In Russ.).
- Avdina, A. I. (2013). Grammatical homonymy as a specific phenomenon of language. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 9*: 204—211. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2003). The concept of functional homonyms. *Russian Literature, 3*: 34—39. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2000). *The phenomenon of transitivity in the grammar of the Russian language*. Moscow: Bustard. 198—211. ISBN 5-7107-2806-3. (In Russ.).
- Bagaev, N. K. (1965). *Modern Ossetian language. (Phonetics and morphology), 1*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 489 f. (In Russ.).
- Bakova, I. M. (2013). On the differentiation of the numeral “one” and its homonyms in the Kabardino-Circassian language. *Bulletin of the Adygea State University, 3 (70)*: 19—26. (In Russ.).
- Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language*. Tbilisi: Metsniereba. 174 p. (In Russ.).
- Golovnya, A. I. (1990). The problem of homonymy at the input and output of a computer. In: *Actual problems of computer linguistics: Abstracts of reports of the All-Union Conference*. Tartu: University of Tartu. 156 p. (In Russ.).
- Grebneva, Yu. N. (2022). *Dictionary of homonyms, homoforms and homographs of the Russian language*. Moscow: Mir i Obrazovanie. 656 p. ISBN 978-5-8112-4193-4. (In Russ.).
- Israfilov, N. R. (2015). On related phenomena of homonymy of the Agul language. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 2 (153)*: 43—46. (In Russ.).
- Kim, O. M. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language: about 11,000 words. about 5000 homonyms. Rows*. Moscow: Ast-rel: AST; Ermak. 844 p. ISBN 5-17-024938-1. (In Russ.).
- Kolesnikov, N. P. (1995). *Dictionary of homonyms of the Russian language*. Rostov-on-Don: Phoenix. 670 p. (In Russ.).
- Kolshansky, G. V. (1980). *Contextual semantics*. Moscow: Nauka. 154 f. (In Russ.).

- Krylova, I. A. (2020). Functional homonyms in a general-type explanatory dictionary (based on the material of the “Dictionary of the Russian Language of the XXI century” edited by G. N. Sklyarevskaya). *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2 (2): 165—178. DOI: 10.33910/2687-0215-2020-2-2-165-178. (In Russ.).
- Kudzoeva, A. F. (2023). Syntactic transformations in translation into Ossetian and punctuation problems. *Trends in the development of science and education*, 95—2: 85—87. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-80. (In Russ.).
- Larina, E. A. (2015). Grammatical homonymy in the aspect of the problem of similarities and differences in language. In: *Semantics and functioning of linguistic units of different levels: collection of scientific articles based on the materials of the VIII International Scientific and practical Conference, Ivanovo, May 06—08, 2015*. Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Ivanovo State University”. 56—62. (In Russ.).
- Malakhovsky, L. V. (1990). *Theory of lexical and grammatical homonymy*. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 238 p. (In Russ.).
- Melchuk, I. A. (1974). *Experience of the theory of linguistic models meaning—text*. Moscow: Nauka. 316 p. (In Russ.).
- Nikatueva, Z. Sh. (2019). Comparative analysis of lexical homonyms of English and Dargin languages. *The world of science, culture, education*, 5 (78): 480—482. (In Russ.).
- Pazova, L. M. (2010). On the question of complete and incomplete homonyms. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, 1: 99—103. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Dictionary-handbook of linguistic terms*. Moscow: Prosveshchenie. 352 p. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. (2006). *The doctrine of the parts of speech*. Moscow: KomKniga. 272 p. (In Russ.).
- Sidikova, G. N. (2012). The main ways of the origin of homonyms. *Bulletin of the TSUPBP*, 1: 218—222. (In Russ.).
- Sidorenko, I. Ya., Sidorenko, E. N. (2016). A concise explanatory and grammatical dictionary of functional homonyms of the Russian language (from the experience of creation). *Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. Series: Philology. History*, 1: 21—25. (In Russ.).
- Smirnitky, A. I. (1998). *Lexicology of the English language*. Moscow: Moscow State University. 260 p. (In Russ.).
- Solodub, Yu. P. (2003). *Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect): Textbook for students of philological faculties and faculties of foreign languages*. Moscow: Flint: Nauka. 264 p. ISBN 5-89349-334-6. (In Russ.).
- Takazov, H. A. (1957). Historical optative in the modern Ossetian language. *Izvestia of the North Ossetian Research Institute*, XIX: 354—372. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (2002). *Lexical meaning: The principle of semasiological description of vocabulary*. Moscow: Editorial URSS. 240 p. ISBN 978-5-397-01165-5. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russian language (Grammatical teaching about the word)*. 4th ed. Moscow: Rus.yaz. 720 p. (In Russ.).

The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 04.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.